

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОЕ ПОЗНАНИЕ: МЕТОДОЛОГИЯ РЕГИОНОВЕДЕНИЯ

*Философское регионоведение – направление современного историко-философского познания. Его формирование связано с актуализацией следующих проблем: поиска региональной идентичности (определяемой и в связи с историко-философской традицией); развития исторического краеведения (частью которого являются исследования и философских «мест памяти»). Методологическая база регионоведения опирается на семиотическое понимание культуры как полифункционального целого, в котором искусство, ментальные образы, духовно-культурные практики развиваются по законам памяти, отсюда важно использовать как вербальные источники, так и невербальные. «Ландшафтный» методологический подход поясняет связь «места», «времени» и «мысли» философа. **Ключевые слова:** методология, историко-философское познание, регионоведение, ландшафтное мышление, топос, память.*

Культура историко-философского мышления предполагает знание определённых правил, принципов, подходов, приёмов, которые актуализированы были как условия познания и как важнейшая метафизическая проблема ещё в Новое время. Уже Ф. Бэкон обратил внимание на субъективно-объективную сторону метода, на то обстоятельство, что, с одной стороны, метод детерминирован объективно существующими законами, так как только при направленности мысли на природу или сущность объекта исследования срабатывают методологические нормы и предписания, но, с другой стороны – методологические установки действительны только в качестве интеллектуальных приёмов. Отсюда рождается важнейшая бэконовская методологическая установка – ум не должен быть предоставлен самому себе. В содержательном плане под методом понимается определённый тип рефлексии, т.е. осознание своего способа познания мира, связанного с принятием индивидуальным сознанием некоторых рациональных установок, в которых познающий не сомневается. Исходя из этого, понятно, что формирование культуры методологического мышления исследователя – *актуальнейшая и современная проблема*: перманентность процесса познания задаёт столь же постоянный, непрерывный исследовательский интерес к вопросу методологии.

Безусловно, методология гуманитарных дисциплин, в том числе и истории философии, давно отошла от «новоевропейских» естественнонаучных образцов, ориентируясь на такие продуктивно работающие методологические подходы, как аналитический и постаналитический, структурализм и постструктурализм, герменевтика сознания и герменевтика бытия, семантика и прагматика. Подчёркивая их значимость, отметим два момента, на которые должен ориентироваться, на наш взгляд, современный исследователь: во-первых, речь идёт о том, что методологическое сознание является сознанием цельным, отсюда важно иметь представление о становлении и развитии методологии в её не усечёнными последующими, более поздними традициями истории. А, во-вторых, выведенные философским мышлением в прошлом «правила ума», принципы, способы, сохраняя свою продуктивность, должны дополняться новыми методологическими подходами. Учитывая эти аспекты, в исследовании *ставится цель* – актуализировать как особое направление историко-философских изысканий регионоведение и связанную с ним методологию «ландшафтного» мышления.

Итак, современный гуманитарно-философский дискурс, традиционно ориентирующийся на идеи, школы, персоналии, категориальный строй мышления, характерный для определённых эпох, лишь в последнее десятилетие обращает особое внимание на тему памяти и связанные с нею вопросы бытия, стиля мышления, времени, места (топоса), их взаимного определения в той или иной традиции, учении, биографии мыслителя. Несмотря на то, что направление только развивается, тем не менее, истоком постановки данных проблем можно считать учение Августина Аврелия, который, определяя память как единство души и ума, отмечал, что память рождается в человеке благодаря впечатлениям от места, так как «внешние чувства» сообщают ему не только о свете, но и о «всех красках и формах тел; <...> всё тело в силу своей общей чувствительности – о том, что твёрдо или мягко, что горячо или холодно, гладко или шероховато, тяжело или легко, находится вне или в самом теле» [1, с. 243-244]. В XIX в. к памяти как философской проблеме обращается Н. Фёдоров, считая, что человечность как принцип культуры возможна только при условии восстановления памяти поколений, понимании их непосредственной взаимосвязи в

местах исторически-совместного бытия. Отсюда вытекает тезис мыслителя о том, что «все живущие» должны быть историками. В XX в. пионерами в постановке вопроса о связи памяти, мысли, места можно назвать М. Хайдеггера и П. Рикёра. Первый из мыслителей определяет бытие в контексте проблемы памятования, раскрывая процесс памятующего мышления через понятия сокрытия и раскрытия, умения вслушиваться, умолчания. Второй актуализирует задачу создания особого направления гуманитарного знания – феноменологии памяти.

На основе этих постановок вопроса о памяти как особого порядка духовной силе исторического развития и формируется прежде всего философское регионоведение. Как направление историко-философского познания оно актуализируется, на наш взгляд, в нескольких аспектах: во-первых, поиска региональной идентичности (определяемой в связи с цивилизационной, культурной и соответственно – историко-философской традициями); во-вторых, развития исторического краеведения (частью которого являются исследования и философских «мест памяти»); в-третьих, как проблема истории философии, прежде всего методологической её составляющей. Понятно, что выделять эти аспекты имеет смысл лишь условно, с целью представления многомерности, содержательной ёмкости регионоведения как сравнительно нового направления (и предмета) философских изысканий. Непосредственно же в философском дискурсе, посвящённом отдельным проблемам – философских школ, исторических или национальных традиций, а также их региональных особенностей, связи жизни и творчества философа с «местами» его пребывания и т.д., указанные аспекты, как и не указанные, но возможные, сосуществуют в единстве, целостно представляя конкретные философские феномены.

Что же касается *методологической базы*, сориентированной на проблематику философского регионоведения, то в этом аспекте историко-философское познание уже сделало, на наш взгляд, важные шаги. Так, современная история философии не только ориентируется на выяснение специфики историко-философского процесса, особенностей философской рациональности и смысловых контекстов развития философии в определённом времени, но и... месте, пространстве человеческого бытия.

В этом контексте обратим внимание на два значимых, по нашему мнению, методологических подхода. Первый подход связан с семиотическим пониманием культуры, идущим от московско-тартуской школы и прежде всего исследований Ю. Лотмана, который в понимании культуры исходит из принципа, что культура – это, во-первых, содержательная информация, а, во-вторых, культура представляет собой структуру. Понимание культуры как информации «позволяет рассматривать как отдельные этапы культуры, так и всю совокупность историко-культурных фактов в целом в качестве некоторого открытого текста и применять к его изучению общие методы семиотики и структурной лингвистики» [5, с. 31]. Рассматривая культуру как текст (в значении «типа культуры») философ подчёркивает, что всякий культурный текст может быть рассмотрен и как «единый текст» и как «совокупность текстов», где, в свою очередь, каждый текст задан своим собственным кодом, а, следовательно, для его расшифровки не может быть применена «единая знаковая система». То есть, речь идёт о том, что всякий культурный текст представляет собой как тип культуры сложную иерархию кодов. Отсюда культура может быть определена как «полифункциональное целое», в котором и искусство и язык и ментальные образы, и любые социальные или духовно-культурные практики находятся во взаимосвязи и развиваются по законам памяти. Продуктивность такого подхода, сориентированного на семиотику, для истории философии отстаивает М. Громов. Исходя из того, что «любой текст представляет собой своего рода послание, требующее расшифровки, и чем он более древний, содержательный, закодированный – тем расшифровки более искусной, квалифицированной» [4, с. 154], а также подчёркивая, что семиотика под текстом понимает все артефакты культуры, М. Громов утверждает, что в историко-философском исследовании важно использовать не только вербальные источники, но и невербальные – архитектурные памятники, произведения искусства, пластики, ландшафтные образы и др.

Иной методологический подход, собственно, и связан с формированием особого – «ландшафтного» мышления. В европейской традиции на закономерность связи «места», «времени» и «мысли» философа обратил внимание М. Хайдеггер, в частности, рассматривая поэзию не как деятельность, но как «учреждение бытия», его «свободное дарение». Отсюда поэзия в его интерпретации представлялась онтологией, выказывающей поиск «дома», желание вернуться к прошлому, к родным местам [10, с. 23]. Это трудное, по-своему описанное и поэтом и философом, «возвращение» (речь идёт о стихотворении «Возвращение на родину» Гёльдерлина) рождалось, прежде всего, из ценности переживания людьми, образно говоря, своего «места на

земле». Философ исходил из того, что «бытие имеет Место». Проблема же заключается в том, «Как, однако, надо понимать «Место», вмещающее бытие? Вводное замечание о со-поставлении «времени и бытия» указывало на то, что бытие как присутствие, настоящее в каком-то ещё не определённом смысле отмечено чертами времени и тем самым временем» [9, с. 396]. Такое хайдеггеровское понимание диалектики бытия – места – времени позволило ему создать на основе интерпретации всего лишь одного стихотворения целую философскую поэму о человеке, его многомерном (в чувственном и интеллектуальном аспектах) способе бытия, важности для жизни определённой личности пребывания в конкретной точке, дорогой сердцу.

Свой вариант «ландшафтного» мышления представлен В. Подорогой, подчёркивающим, как можно понять, интеллектуально-духовную «топологичность» мысли, идею о том, что мысль «имеет место» [7, с. 24]. Здесь полностью отсутствует привязка к месту в географическом смысле, а речь идёт исключительно о сфере идеального. Таким образом, опираясь на разработанную им методологию, исследователь раскрывает афористическую фрагментарность, характерную для текстов Ф. Ницше, как форму выражения «танцующего мышления», а работы С. Киркегора, выбирающего «стратегию пунктирования», представляет как коммуникативный вариант мысли, нацеленный на диалог с возможным собеседником. «Топологичность» мышления в контексте актуализации темы «мест памяти» разрабатывает И. Митин, считая, что «каждый культурный ландшафт, каждое место (не переставая выполнять другие функции современного ландшафта) становится одновременно и местом памяти, и хранит в себе черты ландшафта прошлого» [6, с. 142]. Отметим также, что многие исследователи подчёркивают многозначность понятия «ландшафт», многомерность этого феномена как постоянно трансформирующегося результата деятельности человека, вмещающего в себя «места» индивидуальной и коллективной памяти, связь сегодняшних образов ландшафта с историческим прошлым [8].

Введение в методологический аппарат истории философии понятия «ландшафт», на наш взгляд, позволяет по-новому осмыслить феномены памяти, культуры, специфику историко-философского познания, смыслы регионоведческих исследований. Подчёркнём, что если в традиционном понимании ландшафт трактуется как общий вид, изображение местности, пейзаж, то в историко-философском значении это понятие служит способом воссоздания смыслов интеллектуально-эстетического переживания мыслителем «места», «местности» как источника философских идей и художественно-образного творчества, как герменевтически интерпретируемой ценности духовного мира личности. На этой основе формируется «пространство» современного историко-философского мышления. Иначе говоря, если традиционным в историко-философском исследовании является рассмотрение творчества философа в контексте доминирующих в эпоху идей, мировоззренческих установок, социально-исторических обстоятельств, то не менее важным становится и толкование связи жизни философа, его мысли и места её рождения. Отсюда прочтение текста именно в контексте «места» его создания как бы «возвращает» нас к автору; места его жизни и творчества, волновавшие когда-то его духовное «я», невольно становятся дорогими и нам, как будто нашими. Эта установка, на наш взгляд, позволяет увидеть особого порядка взаимозависимость в духовном мире мыслителя феноменов памяти, фактов биографии, особенностей его личностного «я», эстетических (т.е., чувственно безразличных) впечатлений от мест пребывания, связанных с ними размышлений и т.д. Созданный в определённых обстоятельствах, времени и месте текст, конечно, несёт в себе следы присутствия автора, тем не менее, в своём синтаксическом, семантическом, прагматическом измерениях всегда оказывается и за авторскими пределами, составляет живой источник памяти как связи времён и для других. С указанных методологических позиций, в качестве примера, проанализируем фрагменты текста «Самопознания» Н. Бердяева, а также дневниковые записи, автобиографические заметки С. Булгакова.

Так, особую привязанность к дорожному «месту на земле» находим в знаменитом бердяевском «опыте философской автобиографии», где родной для него город представлен отдельной темой и прочитывается, страница за страницей, в контексте ностальгических переживаний философа: «Киев один из самых красивых городов не только России, но и Европы. Он весь на горах, на берегу Днепра, с необыкновенно широким видом, с чудесным Царским садом, с Софийским собором, одной из лучших церквей России» [2, с. 14]. Киев был, можно утверждать, самой ценностно значимой «точкой отсчёта» всего мыслителем совершенного – именно поэтому так проникновенно, сердечно написаны и так светло читаются киевские воспоминания Н. Бердяева, хотя с родиной философа связывала трудная любовь. Горькие чувства вызывал как разрыв с тем, что наиболее было дорого, так и отчуждение родной по рождению, воспитанию, личностному формированию культуры от того, что было сделано философом. Отсюда, как представляется, проистекает его нескрываемая печаль: «Но у меня было и горькое чувство, – делится философ своими впечатлениями от встреч с

«советскими людьми из посольства». – Я очень известен в Европе и Америке, даже в Азии и Австралии, переведен на много языков, обо мне много писали. Есть только одна страна, в которой меня почти не знают, это моя родина» [2, с. 387].

Таким же по-особому дорогим «местом на земле» (и соответственно – местом памяти) для С. Булгакова были Ливны. Вспоминая историю своей семьи, мыслитель не случайно рассказывал о ней на «фоне» примечательного для города места – Сергиевской церкви, явившейся для него не только точкой воспоминания о детских годах, периоде личностного взросления, освоения мира (в котором и парк и река, и холмы), но и в последующем – судьбоносного выбора мыслителем священнического призвания. В «Автобиографических заметках» читаем: «Я родился в семье священника, во мне течет левитская кровь шести поколений. Я вырос у храма Преп. Сергия, благодатно обвеянный его молитвой и звоном. Мои впечатления детства – эстетические, моральные, бытовые – связаны с жизнью этого храма» [3, с. 65]. Этот город и это место всегда будут притягивать философа, хотя вернуться в свой город и к своему Храму ему не придётся. Можно ли не разделить душевную боль и то смятение чувств, с которыми философ будет описывать свои родные места в вынужденной эмиграции: «Моя родина, носящая священное для меня имя Ливны, небольшой город Орловской губернии, – кажется, я умер бы от изнеможения блаженства, если бы сейчас увидел его...» [3, с. 10]. Кажется, что Булгаков как будто видит сквозь призму своего самосознания, душевного состояния ожидаемую, живущую в его памяти ливненскую реальность. Свой духовный свет имел для мыслителя и Киев, в котором он оказался после двухлетнего пребывания в научной командировке в Европе. Киевское пятилетие (1901-1906) для С. Булгакова оказалось переломным в мировоззренческом смысле. Спустя годы, он об этом напишет: «В Киеве ... я занимал вполне определённую политическую позицию. И так шло до 17 октября 1905 года. Этот день я встретил с энтузиазмом почти обморочным, я сказал студентам совершенно безумную по экзальтации речь (из которой помню только первые слова: «века сходятся с веками») и из аудитории Киевского Политехникума мы отправились на площадь («освободить заключённых борцов»). <...> На площади я почувствовал совершенно явственно влияние антихристового духа: речи ораторов, революционная наглость, которая бросилась прежде всего срывать гербы и флаги, – словом, что-то чужое, холодное и смертоносное ... оледенило мне сердце...» [3, с. 47]. Из этого трагического, по сути, миропереживания начинается путь мыслителя к принципиально иному мировоззрению: христианскому толкованию истории, социально-экономической сферы, человека.

Применённый в исследовании ландшафтный подход позволил, таким образом, показать, что для философов (как, впрочем, и для писателей, поэтов) общественно-исторические и духовно-интеллектуальные трансформации времени всегда оказываются существенно связанными в их мировоззренческом сознании с определёнными «местами» на земле. Пребывание в этих местах отражает как духовную биографию интеллектуалов, так и смыслы эпохи, в которую им пришлось жить и мыслить, страдать и действовать.

Вывод. Таким образом, для истории культуры и истории философии «связки» мест, времён, личностей, их интеллектуальных наработок весьма значимы. Прояснение этого вопроса показывает, что история философии – вовсе не экскурс в прошлое, а особый способ философского мышления о настоящем, в котором «ландшафтный» методологический подход служит способом обнаружения реальной связи прошлого и настоящего опыта человеческого бытия, представленного не только идеями, но и «местами памяти». Увязывание памятью места, чувства, душевного состояния в особые феномены духовного бытия, безусловно, характерно для людей, но чем масштабнее в творческом смысле личность, тем значимей созданные ею ценностные миры и для других – современников, потомков. Неслучайно, «местами памяти» выдающихся мыслителей становятся не только их произведения, наполненные идеями, чувственными переживаниями, знанием жизни и т.д., но и то непосредственное пространство бытия (город, усадьба, дом, скамья, любимое место прогулок и др.), в котором пребывала личность, чьи жизненные подробности легли и в культурный текст.

Литература

1. Августин Аврелий. Исповедь // Августин Аврелий; [пер. с лат. М. Е. Сергеенко; вступ. статья А. А. СтолярOVA]. – М.: Издательство «Ренессанс», СП ИВО – СиД, 1991. – 488 с.
2. Бердяев Н. А. Самопознание (опыт философской автобиографии) / Н. А. Бердяев // Бердяев Н. А. Собрание сочинений: Т.1. – Париж: YMCA-PRESS, 1983. – С. 5-412.
3. Булгаков С. Н. Автобиографические заметки. Дневники. Статьи / С.Н. Булгаков; [предисл. Н.А.Струве; составление, подготовка текста, подбор ил. А. П. Олейниковой, Н. А. Струве]. – Орёл: Издательство Орловской государственной телерадиовещательной компании, 1998. – 476 с.

-
4. Громов М. Н. ИЗБОРНИК 70 / М. Н. Громов. – Тверь: Альфа-пресс, 2013. – 560 с.
 5. Лотман Ю. М. К проблеме типологии культуры / Ю. М. Лотман // Учёные записки Тартуского государственного университета. Труды по знаковым системам. – Вып. 198. – Тарту: ТГУ, 1967. – С. 30-38.
 6. Митин И. И. Культурный ландшафт как палимпсест: от памяти к месту / И.И. Митин // Коллективная социально-историческая память и вызовы современности. Актуальные теоретические очерки: сб. науч. статей [под ред. А. В. Дахина]. – Н. Новгород: Изд-во ВВАГС, 2011. – С. 135-144.
 7. Подорога В. Выражение и смысл. Ландшафтные миры философии: Сёрен Киркегор, Фридрих Ницше, Мартин Хайдеггер, Марсель Пруст, Франц Кафка / Валерий Подорога. – М.: Ad Marginem, 1995. – 427 с.
 8. Тоталогічні образи ландшафту: Матеріали VI Міжнародної методологічної конференції “Філософія і географія. Проблеми постнекласичних методологій в природничо-географічних науках” // Науковий вісник Інституту дизайну і ландшафтного мистецтва Державної академії керівних кадрів культури і мистецтв. – Вип. 3. – К.: ДАКККіМ, 2006. – 151 с.
 9. Хайдеггер М. Время и бытие / М. Хайдеггер // М. Хайдеггер. Время и бытие: Статьи и выступления; [пер. с нем.]. – М.: Республика, 1993. – С. 391-406.
 10. Хайдеггер М. Разъяснения к поэзии Гёльдерлина / М. Хайдеггер; [пер. с нем. Г. Б. Ноткина]. – СПб.: Академический проект, 2003. – 320 с.

Summary

Sukhodub T. Historical and Philosophical Knowledge: Methodology of Area Studies. Philosophical area studies are philosophical direction of modern historical and philosophical knowledge. Its formation is associated with the actualization of the next problems: the search of regional identity (which is determined in relation to the historical and philosophical tradition); development of local history (part of which is the study of philosophy and «places of memory»). Methodological base of Area studies rests on semiotic understanding of culture as a multifunctional integer where art, mental imagery, spiritual and cultural practices developed by the laws of memory, thence is important to use verbal sources and non-verbal. «Landscape» methodological approach explains the connection between «place», «time» and «thought» of philosopher. Keywords: methodology, historical and philosophical knowledge, area studies, landscape thinking, topos, memory.

УДК 164.032

© Орест Гасяк

Чернівецький національний університет імені Юрія Федьковича

ЕПІСТЕМНІ ПОТЕНЦІЇ НАУКОВОГО ФАКТУ

Досліджується епістемний потенціал наукового факту як фрагменту достовірного знання у контексті категорій логіки наукового дослідження, що репрезентують динамічну модель розвитку науки; з'ясовується його логіко-гносеологічна природа та методологічна функція у процесі становлення принципово нового знання; виявляються умови актуалізації епістемних потенцій фактуального знання; розкривається роль наукових фактів у виборі векторності розвитку науки як соціокультурного феномену. Ключові слова: епістемний потенціал, науковий факт, парадигмальне знання.

Осмилення ціннісних потенцій знання, зокрема фактуального – актуальна проблема філософії та методології науки, оскільки вона безпосередньо пов'язана з проблемами гносеології та логіки наукового дослідження, теорії становлення нового наукового знання, розвитку науки в цілому. Актуальність теми цієї розвідки зумовлена ще й тим, що до цього часу збереглася невизначеність у розумінні природи актуального, його форм, місця й ролі у структурі однопорядкових категорій, їх потенцій у процесі освоєння об'єктивної реальності. Різні тлумачення змісту поняття факту та багатозначність відповідного терміна призводить до певних труднощів у розв'язанні багатьох методологічних проблем [див.: 19, с. 151]. Розкриття умов вияву потенцій наукового факту є однією з актуальних проблем філософії науки, оскільки має прямий стосунок до фундаментальних проблем механізму виникнення і розвитку наукового знання та ціннісних орієнтацій наукового пізнання.

Висвітлення окреслених і суміжних з ними проблем передбачає відповідну методологію. Такою, на нашу думку, є аксіопотенціалістська парадигма, розроблена М. Марчуком, що